

18+ Дмитрий Вержущкий

Тувинские рассказы

Дмитрий Вержуцкий
Тувинские рассказы

«Издательские решения»

Вержущий Д.

Тувинские рассказы / Д. Вержущий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852589-6

Яркость образов, колоритные местные обычаи и детали быта полевых противоэпидемических отрядов, красочные описания природы и отчаянная борьба на выживание со стихией — все это есть в предлагаемом сборнике. Даже если в рассказах повествуется о событиях трагичных, печальных или даже не всегда приемлемых с позиций общественной морали, они полны оптимизма. В них никого не осуждают и не превозносят, а просто рисуют ту картину жизни в горах, что уже ушла в далекое прошлое и вряд ли повторится.

ISBN 978-5-44-852589-6

© Вержущий Д.
© Издательские решения

Содержание

ПИЧЕ-КЫС	6
ПРЕДЧУВСТВИЕ	12
ОДНАЖДЫ НА БАРЛЫКЕ	16
БАЙ-ТАЙГА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тувинские рассказы

Дмитрий Вержуцкий

© Дмитрий Вержуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2589-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор обязан предупредить, что имена персонажей вымышлены, сюжеты рассказов придуманы, а все совпадения случайны.

ПИЧЕ-КЫС

Женщина явно не хотела отдавать бутылку. Она прижимала ее к себе и, пятясь к низкому заборчику, прятала голову от размашистых, но неточных, ударов мужчины. Тот пьяно злобился и старался стукнуть побольнее. Людей на улице у магазина находилось много, но никто не хотел связываться. Все, идущие мимо, делали вид, что их происходящее никак не касается.

Опершись ногой на ступицу «шестидесят шестого», я соскочил на землю и направился в магазин. Поднимаясь на крыльцо, почему-то снова посмотрел на воющую из-за портвейна парочку. Женщина, отстраняясь от очередного удара, повернула лицо в мою сторону, что-то очень знакомое мелькнуло в ее облике, и ноги сами остановились. Внезапно, откуда-то из раскрывшихся закоулков памяти, хлынули давно забытые воспоминания.

Схватив драчуна за плечо, я развернул его к себе. Зарывав что-то нечленораздельное, тот попытался замахнуться кулаком. Он был не слишком крепкий и к тому же сильно пьян. После первого удара сразу пошел винтом и проломив штaketник с верхней прожилиной, упал за забор. Там он встал на четвереньки и стал нашаривать подходящий для возобновления диалога камень. После нескольких попаданий сапогом, этот буян упал на бок, закрыл голову руками, заскулил и что-то забормотал по-тувински извиняющимся голосом. Пнув его еще разок от души в спину, я повернулся и подошел к женщине.

– Здравствуй, Пиче-Кыс! – переводя дыхание и чувствуя боль в разбитых костяшках на правой руке, сказал я. Остановившийся посмотреть народ начал расходиться.

– Здравствуйте, Дмитрий Борисович! – ее чуть скуластое лицо было абсолютно бесстрастным, а взгляд сильно затуманен алкоголем.

– Ты давно вернулась?

– Зимой еще, – стояла она, как и раньше, очень прямо, прижимая к себе бутылку. Вблизи стало заметно, что годы да и, видимо, образ жизни не пощадили ее необычную красоту. Исчезла куда-то и обычная открытая улыбка на лице.

– Это – твой муж?

– Нет, муж дома. Пьяный.

– Залезай в кабину. Куда тебя отвезти?

– Я дойду. Тут недалеко.

– Пичи, у тебя кто-нибудь все равно отберет портвейн. Пошли, – я взял женщину за руку и повел к машине. Она не сопротивлялась. Подсадив ее в кабину, залез следом. Она объяснила, что ей надо на другой конец поселка, туда мы и подъехали.

– Пока, Пиче-Кыс! У тебя все будет хорошо!

– Спасибо, Дмитрий Борисович. И Вам всего доброго! – все же смогла улыбнуться она.

Первый секретарь райкома комсомола, молодой парень-тувинец в темном костюме со значком на лацкане и в галстукe, был серьезен. Выслушав внимательно мою просьбу, он немного подумал и сказал, что, конечно, в такой ситуации надо обязательно помогать друг другу и совершенно правильно, что я обратился именно сюда. С трудоустройством молодежи в районе большие проблемы, и он сегодня же постарается найти людей. Если я подойду завтра к девяти утра, то будет нормально. На этом мы и договорились.

Стационар назывался эпизоотологическим. Затаившаяся в горах опаснейшая болезнь, чума, сохранялась в природе в мелких насекомых – блохах. Блохи жили в глубоких норах, в гнездах сусликов. Одной из задач стационара было отслеживание сезонного изменения численности блох. Для этого каждые десять дней на определенных площадках раскапывали по три-четыре гнезда, отлавливали двадцать-тридцать грызунов и собирали с них насекомых. В мест-

ных горах инфекция была связана с блохами суслика, в других местах это могли быть блохи сурков, песчанок или других обитателей глубоких, сложно устроенных нор.

Впервые выкопанное гнездо, состоящее в основном из сухой измельченной травы, шерсти и земли, по объему с полведра, в нескольких матерчатых мешочках доставлялось в лабораторию и мелкими порциями, по одной-две горсти, просматривалось. Вся замеченная живность, в том числе и блохи, выбиралась и подсчитывалась, а затем, прежде чем попасть на исследование, определялась до вида под микроскопом. Разобранный субстрат в мешочках снова помещался в яму-бункер, где и хранился до следующего разбора. Даже, если все делать быстро, на просмотр одного гнездового субстрата уходило никак не меньше часа времени. Хранящиеся гнезда по инструкциям требовалось ежедневно просматривать, чтобы проследить сроки начала и окончания появления личинок и молодых блох, и выяснить многие другие вещи.

Заехав сюда со всей зоо группой в начале апреля, к середине мая мне приходилось уже каждые два дня, помимо массы других дел, перебирать по шесть-семь гнезд. Поручить такой ответственный и кропотливый труд бичам-сезонникам не представлялось возможным. Любими путями надо было срочно найти подходящих людей для этой и другой технической лабораторной работы. Выбравшись снова в поселок, после очередного безуспешного обхода всех друзей-знакомых, с этой проблемой я обратился в районный комитет комсомола.

Утром, подходя к кабинету секретаря, через полуоткрытую дверь я увидел сидящих на стульях вдоль стены трех совсем молодых девчонок. Секретарь что-то очень строго им внушал, по отдельным узнаваемым тувинским словам можно было понять, что они недавно сильно провинились и им дается возможность не просто исправиться, но и помочь родителям материально. Что-то еще говорилось про почетное и ответственное звание комсомольца и так далее.

Девушки смотрели в пол и по очереди шмыгали носами. Увидев меня, комсомольский вожак вышел из-за стола, поздоровался и извинился в том плане, что больше никого не удалось найти, зато эти девушки хорошо говорят по-русски. Секретарь протянул мне три паспорта, и попросил вернуть документы либо ему, либо родителям, но ни в коем случае не отдавать хозяйкам.

Не очень понятно – что к чему, но времени на выяснение не оставалось. Шла середина мая. До приезда основного отряда оставалось две недели, своей машины у меня не было, да и не нужна она в горах, где вся работа выполнялась в пешем порядке. Базовый лагерь стационара находился в полусотне километров отсюда, за хребтом Цаган-Шибету, через который, увязая в снегу, я и пришел сюда два дня назад. Тащиться обратно через перевал с тремя девчонками в нагрузку мне совсем не хотелось – большой участок тропы в долине Тумзе проходил прямо под длинным склоном со множеством набитых снегом распадков. Вчера удалось проскочить его утром, по холодку, днем же там вполне можно было попасть под раздачу в виде внезапной лавины, что никак не входило в мои планы.

Случайно выяснилось, что через час «санитарка» из местной больницы направлялась на Барлык, там кто-то заболел и нуждался в госпитализации. Появилась возможность проехать больше половины пути на машине, и такой удачей, конечно же, следовало воспользоваться. Выйдя из здания райкома, я кратко объяснил девчонкам ситуацию, приказав резво бежать домой, собрать рюкзаки или сумки только с самым необходимым и быть через час возле больницы.

Времени оставалось мало. Быстрым шагом я направился в ближний магазин, купил плитку зеленого и коробку черного чая, кеды 41-го размера, заказанные одним из рабочих, и шесть упаковок сигарет «Прима». Курево, как и чай, почему-то в этот сезон тратились очень споро. Подумав, прибавил к покупкам пакет с карамелью. Хлеба в магазине не оказалось, пришлось, поймав мелкого пацана на мотоцикле «ИЖ Планета», мчаться на другой конец поселка, в пекарню.

Пожилой пекарь, с интересным именем Первомай, продал мне три еще горячие, хрустящие и восхитительно ароматные булки. Упаковывая рюкзак, я не выдержал, оторвал от одной из них корочку и, с наслаждением откусывая от нее маленькие кусочки и смакуя, медленно съел. На стационаре пекли лепешки, обычного хлеба мы не видели уже с месяц. Закинув на спину рюкзак, и уже никуда не торопясь, я направился к больничному городку.

Выезд задерживался – искали какие-то недостающие медикаменты. Открывая по очереди паспорта, я стал знакомиться с уже подошедшими девицами. Высокая, почти с меня ростом, прямая, с открытой улыбкой и правильными чертами лица с едва обозначенными азиатскими признаками, звалась Пиче-Кыс. По-тувински ее имя переводилось как «маленькая девочка».

Вторую, пониже, но также с хорошей стройной фигурой, звали Оюна. Это имя обозначало «веселая, беззаботная», хотя его обладательница среди всей троицы оказалась самой серьезной и рассудительной, несмотря на молодость. Имя третьей, пожалуй, более соответствовало ее хозяйке – Урана. Она была невысокой, крепко сбитой, с круглым лицом и переменчивым настроением. Чувствовалась какая-то необузданная стихия, пружиной сжатая в ее теле и характере. При всем этом, Урана была вполне славная и симпатичная девчонка, со своей «изюминкой», как и первые две.

Всем им было по семнадцать лет. Говорили они по-русски удивительно для местного населения свободно, но с каким-то несибирским диалектом, заметно «акая» и вставляя в свою речь слова, имеющие явное украинское или, может быть, белорусское происхождение.

Наконец, выехали. Тряская дорога, палящее солнце, нагретая санитарку, крутой перевал. По пути приходилось растаскивать завалы камней, упавших со склонов на полотно, лопатами засыпать поперечные глубокие промоины, образовавшиеся после прошедшего вчера ливня. В общем, три нудных часа как-то минули, и машина спустилась на Барлык. Проехав еще несколько километров, мы с девчонками вылезли и направились вниз уже пешком. Санитарка свернула в боковой лог, где и надо было забрать больного.

Каменистые террасы Барлыка, с яркой зеленью лужаек на понижениях, в его верховьях пересекаются извилистым руслом самой реки, здесь еще совсем маленькой, и сухими промоинами его притоков. С обеих сторон нависают километровые скалистые стены сжимающих долину хребтов, белеющие сверху и по распадкам еще не растаявшим снежным покровом. Через час пути стали попадаться и куртины деревьев – в основном лиственницы, самой распространенной породы в этих тяжелых для выживания растительности краях. По краям водотоков отдельными группами стояли такие же голые, еще без листьев, кусты тальника.

У моих новых сезонных рабочих были довольно объемные, но не тяжелые сумки, которые они упорно тащили, перекидывая из одной руки в другую. Примерно раз в полчаса я объявлял перекур и мы падали на нагретую землю, пахнущую полынью и еще чем-то неуловимым, но волнующе-приятным. Дойдя до широкого устья Эльды-Хема, сделали привал на невысокой террасе, прямо на травянистом ковре из мелких осочек и эдельвейсов. Разведя небольшой костерок из валяющегося повсюду плавника, я сварил чай в котелке, достал горсть карамели. В принципе, девчонки держались стойко, и темп движения удавалось поддерживать вполне подходящий.

Пройдя несколько узких прижимов, мы вышли на вытянутую вдоль реки поляну Узун-Хайыха. В конце поляны белела юрта бабушки Оюу. Ее муж, старый Картыг-оол, ушел на охоту. Бабушка угостила нас чаем и «хойтпаком» – тувинским самодельным кефиром с баурсаками – маленькими булочками из пресного теста, сваренными в жиру. Обсудив с бабушкой все последние новости Барлыка и мира, осудив начавшуюся в стране антиалкогольную компанию, мы снова двинулись в путь и еще до заката солнца достигли своего лагеря.

На первое время я определил девиц на житье в своей десятиместной палатке, отделив им половину и завесив простынями. Там поставили раскладушки с матрасами. В углу, из пары досок, пары жердей, нескольких ящиков из-под консервов и листа фанеры рабо-

чие-бичи быстро соорудили неказистый, но емкий шкаф для одежды. Из толстой проволоки изогнули и скрутили десяток плечиков.

Каждому принятому на работу в полевых противоэпидемических отрядах полагалась спецодежда и многое чего еще. Перерыв углы в хозяйственной палатке-складе, проверив баулы и сундуки, удалось выдать все необходимое. Девчонкам досталось по два комплекта энцефалитных костюмов, по ситцевой пижаме с брючками, по ватной телогрейке, по паре кирзовых сапог, по две пары носок и портянок. Также они получили по паре полотенец, мыло, зубные щетки и пасты, по пачке стирального порошка «Новость», по два комплекта постельного белья, по подушке и ватному одеялу, а также по огромному, ватному же, спальному мешку.

Увидев растерянность в глазах девчонок, рассматривающих пижамы и энцефалитки, явно рассчитанные на более крупных хозяек, я вручил им коробку с ножницами, разнообразными нитками, пуговицами, иголками, предложив подогнать одежду как им нравится, что и было за вечер сделано.

После ужина я собрал мужскую часть зоогруппы на краю лагеря. Здесь всем, для большей наглядности, продемонстрировал огромную лиственницу, стоящую на краю речного обрыва, точнее, указал толстый сук, на котором будет немедленно повешен любой из присутствующих, кто посмеет обидеть любую из появившихся в лагере девчонок.

Так эта троица попала к нам на стационар. Все, что от них требовалось, освоили быстро, работали старательно и весело. Неизменным инициатором всяческих развлечений оказалась, конечно, Пиче-Кыс. Ее мама, по рассказам, занималась когда-то самодеятельностью в местном клубе и хорошо пела. Оюна больше старалась по хозяйству, она являлась старшей из шести сестер и двух братиков в семье чабана и привыкла нести на себе всю домашнюю работу.

Урана, вспоминая своего дедушку, известного местного шамана, рассказывала, что тот, помимо лечения людей, умеет даже изменять погоду, но надо точно знать слова заговора и очень сильно этого захотеть. У нее пока еще с погодой не получается, но, все равно, когда-нибудь она освоит и такой полезный навык. Узнав получше Урану, я в этом вообще перестал сомневаться.

Через несколько дней, когда перебирал бумаги, мне снова попались на глаза три паспорта, перевязанные вместе резинкой. Листая, наткнулся на штампы временной прописки – это было Подмосковье! Во всех трех паспортах! Девицы были немедленно призваны к ответу, и вот какую удивительную историю довелось от них услышать.

В прошлом году девчонки закончили предпоследний девятый класс средней школы. Как это принято в местных краях, почти на весь май старших школьников поголовно отправляют «сакманить» – помогать чабанам при окоте коз и овец. Вернувшись в поселок, наши девушки одновременно получили какие-то неплохие по тем временам деньги и, в связи с наступлением соответствующего возраста, новенькие паспорта.

Впереди маячили летние каникулы. Сидя на бревнах за школой, подружки принялись мечтать – что бы такое необычное им успеть сделать за это время. Самая шустрая, заводила в их компании, Пиче-Кыс, сказала, что больше всего в жизни хотела бы посмотреть Москву. На остальных это произвело сильное впечатление. Оюна, подумав, сказала, что затея трудная, сложная, ничего не получится – родители не отпустят и так далее. «А я... Я тоже хочу в Москву!» – вдруг выдохнула Урана. Решено было не откладывать, тем более, что пока стояла летная погода. Оставили дома записки, что, мол, в Кызыл с экскурсией едут, чтобы не волновались.

Начальнику аэропорта они соврали, что летят в город на неделю проведать родственников. Купили билеты и улетели из поселка. В Кызыле они побродили по улицам, сходили в кино и музей, потом снова в кино, первый раз в жизни поели мороженого. Нужно было что-то дальше делать.

Пиче-Кыс подошла к пожилой русской женщине на автовокзале – как в Москву доехать? Та объяснила, что надо на автобусе до Абакана, а там купите билеты, сядете на поезд и через шесть дней будете в Москве. Так они и сделали. В Абакане долго не решались подойти к «страшному» поезду, но Пиче-Кыс первой вошла в вагон, увлекая за собой подруг.

В столице нашей Родины они прожили около недели, ночуя поочередно на одном из трех вокзалов, а днем с жадностью знакомились с достопримечательностями, делая все более дальние выходы в разных направлениях. На третий день, замирая от страха, впервые в жизни спустились в метро, освоив, таким образом, и этот способ передвижения. Потом деньги закончились.

Какое-то время они перебивались, прося что-нибудь из еды у внушающих доверие пожилых женщин. Чаще отказывали, но случалось, что и помогали и едой и мелочью. Так прошло еще несколько дней. Одна из сердобольных женщин посоветовала – езжайте, мол, на электричке в Подмоскovie, там фабрик много, ткацких или других, устройтесь, обживитесь. Не надо здесь по вокзалам шариться, нехорошо это, да и может плохо кончиться, попадете в дурную компанию, покатитесь по наклонной.

Так и сделали, как она сказала. Едут, не знают – куда и зачем. Идет тетка какая-то по вагону, их увидела: «Девчонки, к нам? Давайте за мной!». Так они попали на фарфоровую фабрику, получили комнату в общежитии, стали расписывать кисточками тарелки да кружки. Родным написали, что все в порядке, весной приедут в отпуск.

По выходным обязательно в Москву катались. Освоились постепенно. За год и в театрах и в музеях во многих побывали, город весь исколесили вдоль и поперек. Совершенно потрясенный, я вдруг узнал, что эта троица Москву знает гораздо лучше меня!

Отработав положенный срок, подзаработав денег, они одновременно получили отпуск. Накупили подарков, и тем же путем отправились проведать родных. Понятное дело, что дома с ними провели, согласно местным обычаям, довольно жесткие воспитательные мероприятия. Паспорта отобрали, запретили даже думать о Москве. Так они попали к нам.

Просто поразительно – как эти совсем мелкие еще девчонки, которым только-только стукнуло по шестнадцать лет, плохо знающие русский язык, ни разу в жизни не выезжавшие из своего самого глухого района Тувы, решились на такое? Понятно, что им фантастически повезло, все сложилось удачно, плохие люди не встретились на пути, но все же, все же...

И этот сезон пролетел незаметно, потянулись на юг журавли, в желтое оделись леса, все прохладнее становилось по утрам. Девчонки доработали почти до самого конца сезона. В последнюю неделю я взял лошадь у друга, навьючил на нее сумки, и мы пошли обратно через перевал в поселок. Паспорта я им отдал вместе с полным расчетом.

По пути, сделав небольшой крюк, завезли Урану к ее дедушке-шаману, она там и осталась. На следующий год к ней посватался Буян – молодой, но богатый местный сарлыкочод. Сейчас у Ураны семеро детей, они с мужем кочуют по Толайлыгу. Когда я бываю в тех краях, обязательно захожу к ним с небольшими подарками. Выглядит она вполне довольной жизнью. Если кто-то болеет, или со скотом неладно, или засуха, люди идут к Уране, она помогает.

Оюна смогла сразу после работы у нас улететь в Москву, следы ее потерялись. Пиче-Кыс зимой выдали замуж, с мужем не сложилось. Она не раз пыталась вырваться, уехать, но ничего не получалось. Детей у нее не было. Как-то, лет пять назад, бабушка Оюу мне рассказала, что Пиче-Кыс, все-таки, смогла убежать. И вот, такая встреча. Видно, что-то не пошло у нее в чужих краях, расспрашивать я не стал...

В длинной череде лет, проведенных в полевых экспедициях, тот сезон для меня остался, пожалуй, самым ярким, самым насыщенным впечатлениями. И все от присутствия этой удивительной компании, среди которой заводилой всегда была «маленькая девочка» Пиче-Кыс.

Всплывает в памяти вечер, костер, горы, еще светлая полоса неба на западе и три голоса, так красиво выводившие мелодию песни «Кайда сен, эргемим, кайда сен?».

Прощай, Пиче-Кыс! Прояви, о Великий Тенгри, милость к ней! Она – хороший человек, и пусть у нее в жизни все будет тоже хорошо.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Дужка одного из капканов при каждом шаге упиралась в спину сквозь брезент старого «абалаковского» рюкзака. Если втиснуть ладони под лямки, то удавалось переместить место, куда упирался капкан, повыше, и боль становилась терпимой. Еще можно подсунуть сжатые кулаки снизу, тогда между рюкзаком и спиной образовывался просвет и уже ничего не било в поясницу. Правда, через некоторое время руки все равно затекали, и приходилось мириться с назойливым неудобством. В принципе, это было привычным, как и стертые до крови костяшки пальцев на ногах, прикрытые мохнатыми пучками тысячелистника и залепленные сверху пластырем. Сергею даже не приходило в голову остановиться и переложить поудобнее рюкзак, в котором тщательно выровненное утром вдоль спинки ватное одеяло при движении по неровной местности сместилось вверх, открыв доступ находившимся в глубине предметам к незащитной теперь спине.

Его, давно привыкшего к передрыгам и неудобствам, сопутствующим всякой экспедиционной жизни, все это не слишком волновало, и ноги, сноровисто переступая встреченные препятствия и приноравливаясь к рельефу, шагали и шагали вперед по узкой тропке, выходящей по неширокой степной террасе. Ближайшее будущее, включая жаркую баню в базовом лагере и полкружки разведенного спирта после, представлялось вполне приятным. И в общем, и в перспективе тоже было неплохо – работа шла по графику, всё запланированное зимой пока удавалось выполнить. А через пару недель на базу должны были приехать студентки-практикантки со всеми приятными последствиями. Но сегодня с самого утра что-то неопределенное, где-то глубоко сидевшее, как заноза, и явно нехорошее, время от времени мелькало на самой окраине сознания, но тут же исчезало, не давая возможности понять – в чем же дело.

Пологий склон тянулся нескончаемыми сериями коротких, покрытых мятликом, эдельвейсом и расцветенных альпийским разнотравьем, лужаек, разделяемых узкими, но глубокими руслами временных водотоков. Ярко-зелеными, после короткого ночного дождя, пятнами выделялись куртины полыни, белым цвела в распадках таволга, сиреневыми ковриками покрывал бугристые неровности морены чабрец. Со всех сторон то и дело наносило ни на что не похожим букетом июньских запахов долины Эльды-Хема.

Впереди, за седловиной перевала, просматривались острые пики, окружающие Чингекатского плато. Справа сверкали на солнце покрытые снегом отроги хребта Танну-Ола, каскадами степных пологостей спускавшиеся вниз, слева высилась и переливалась белизной и тенями громада горного массива Мунгулек, зеленеющая в нижней части широким поясом лиственничного леса. Сергею всегда нравилось работать здесь – кроме случайных чабанов, изредка заезжавших сюда на конях в поисках отбившихся сарлыков (яков), да еще более редких охотников, в этой удаленной от жилья и дорог замкнутой долине месяцами никого не было.

Переходя на бег при спуске в ложбину, Сергей старался набрать скорость, чтобы за счет веса рюкзака большую часть последующего подъема проскочить по инерции. С разных сторон раздавалось «чакание» потревоженных сусликов, изредка длинно и переливчато свистели забавные бесхвостые зверьки – пищухи, близкие родственники зайцев. На очередной поляне, синей от цветков горечавки, совсем рядом из большого куста полыни выскочила кабарга и, делая из стороны в сторону высокие прыжки, стремительно удалилась и исчезла в ближайшем распадке. Сергей свистнул ей во след и засмеялся. Чувство детской радости от полноты жизни внезапно накрыло его, отдалив все непонятные ощущения. Когда тебе двадцать семь лет, ты полон сил, здоров и способен воспринимать окружающую красоту, на предчувствия мало обращаешь внимание.

Обогнув сланцевые щетки небольшого нависающего над тропой скальника, через полсотни шагов он подошел к большому окатанному валуну, гранитному свидетелю присутствия

здесь в далекие эпохи настоящего ледника. За камнем тропа расходилась. Один путь спускался вниз, к речке и далее тянулся по ней, много раз пересекая русло с берега на берег. Сейчас, когда серьезных дождей давно не было, Эльды-Хем был довольно мелок, хотя и недостаточно, чтобы попытаться перепрыгнуть речушку в узком месте или пройти по выступающим над поверхностью камням. Приходилось по бродам брести по колено в холодной воде, что, конечно, не доставляло большого удовольствия.

Другой маршрут лежал направо в распадок, в котором скрылась кабарга, потом тропа шла поверху вдоль подножия склонов гор. Там требовалось много раз карабкаться в крутяки и спускаться в глубокие распадки по осыпающейся тропе. С увесистым рюкзаком за плечами это тоже малоприятное занятие. Впрочем, был и еще один путь – по козержей дорожке, едва намеченной по правому склону реки выше прижимов, а кое-где и прямо по ним. В одного и налегке Сергей чаще выбирал именно этот вариант, но идти несколько довольно протяженных участков с грузом по узким скальным полкам местами шириной в ладонь в десятках метров над руслом реки сейчас ему показалось слишком рискованно.

Сергей сбросил рюкзак и привалился спиной к валуну. Уже хорошо нагретый солнцем камень был теплым, выкуренная неспешно, в ползатяжки, папироса приятно затуманила сознание. Он еще немного посидел, наслаждаясь коротким отдыхом. Вставать и идти дальше совсем не хотелось, но очередной этап работ в Эльды-Хеме был закончен, и до темноты он планировал вывести свою группу через перевал в базовый лагерь. Сдать материал на исследование в лабораторию. Попариться с березовым веничком, наконец-то вымыться, постирать одежду, хорошенько выпить, пару дней отдохнуть, расслабиться перед следующим десятидневным выходом в другую горную долину. Два дня назад он отправил рабочих вниз, дав задание провести обследование в западной части долины и дожидаться его прихода. Сам остался в верхнем зимнике – надо было закончить учеты и снять капканы с контактных линеек на ближних перевалах. До зимовья, где находился сейчас народ, оставалось немногим более двадцати километров. Оттуда еще километров десять через перевал до базового лагеря, нормально в общем, подъемно. Если не затягивать, то до темноты должны успеть.

Наконец, приняв решение, он пружинисто поднялся, вдохнул пьянящий воздух полной грудью, рывком закинул рюкзак за плечи и пошагал вниз, успевая глядеть под ноги, вперед, по сторонам и наблюдать за горизонтом. Вроде, все же в порядке, но опять что-то ему определенно не нравилось, что-то шло явно не так. Хуже всего было, что он не мог определить причину, но какой-то червячок сомнений с самого утра упрямо копошился внутри.

Подойдя к первому броду, Сергей на секунду приостановился, прикидывая – как лучше переходить. Опыт, накопленный за долгие месяцы и годы экспедиционных работ, с форсированием больших и малых горных рек и ручьев, требовал разуться, снять носки, вынуть из кроссовок стельки и, надев обувь на босу ногу, плотно зашнуровав ее, именно в таком виде пересекать русло. На другом берегу из кроссовок выливалась вода, вкладывались стельки, и с сухими носками можно было относительно комфортно продолжать движение. Попытки в самом начале его полевой карьеры перебредать горные реки босиком почти всегда заканчивались соскальзыванием с гладких камней и холодным купанием, либо сильными ушибами, а чаще – тем и другим вместе. В этот раз он не стал терять времени на переобувание – броды шли один за другим, да и в носках в воде было немного теплее.

Тропа то шла по галечникам вдоль реки, обходя островки с ивами и редкими тополями, то снова ныряла в броды, то поднималась на заросшие лиственницами террасы, иногда тянулась сотнями метров по крутому заросшему кустарниками склону. В некоторых местах получалось идти как по ступенькам по причудливым узлам корней деревьев, змеями выползающих из земли. Пересекая очередную поляну и уклоняясь от свесившихся на тропу ветвей высоких кустов жимолости, Сергей вдруг осознал, что уже давно вокруг стоит неестественная

тишина. Все в долине замерло, не стало слышно посвистывания птиц, совсем стих ветер, деревья не шелестели своими кронами. Небо затянуло белесым маревом.

«А, вот оно что! – Сергей сориентировался и, наконец, понял причину своей тревожности. – Погода портится. Да, ерунда какая, прорвемся!» Он ускорил шаг, уже внимательнее вглядываясь в кромку горизонта, где над седловиной видневшегося впереди перевала появились рваные многоэтажные тучи. Минут через десять они сгустились в стремительно приближающийся грязно-серый валик, за которым зияла сплошная чернота.

Первый порыв ветра лишь слегка качнул деревья, зашелестел листьями и ветвями, осыпая с них мелкие засохшие веточки, лишнюю сухую хвою и отслоившиеся пластинки коры. Последующий удар стихии оказался чудовищным. Сергея, оказавшегося на открытом месте, сбило с ног и покатило. Он сумел быстро сбросить рюкзак и на четвереньках рывком метнулся за большой куст тальника. Здесь было чуть-чуть потише, ветер налетал только вполсилы и сбоку. В нескольких десятках метров вдруг скрипуче хрустнул, пошел вниз и гулко рухнул на прибрежные камни огромный тополь. По воздуху летели ветви и целые макушки деревьев, где-то высоко парил лист фанеры, видимо, унесенный с зимника. Разлапистая молния неровно вспыхнула прямо над головой, небо почти сразу лопнуло оглушающим разрывом. Вокруг резко потемнело, рев ветра, грохот грозových разрядов, треск ломающихся деревьев заполнили все вокруг, создавая ощущение случившейся катастрофы. Через несколько минут хлестко ударил ливень. Потоки воды обрушились с небес сплошной стеной. Тропа мгновенно вздулась, по ней тут же побежал, на глазах набирающий силу, мутный пузырящийся ручей.

До нижнего зимника оставалось километров семь-восемь, но основная проблема была не в этом. «Впереди еще три брода, при таком дожде вода быстро поднимется», – мысли Сергея стали четкими, как всегда в критических ситуациях. Он вскочил, поднял рюкзак и рванулся навстречу хлеставшим в лицо струям воды. Через полчаса он достиг первой переправы. К этому времени резко похолодало, и дождь пошел уже со снегом. Уровень реки немного поднялся, но этот брод был несложный – широкий, с галечниковым дном. Сергей преодолел его большими прыжками, спотыкаясь и разбрызгивая вокруг и на себя воду, и рывком взбежал на высокую приречную террасу.

Примерно через полкилометра он снова зашел в реку, на этот раз осторожнее – здесь на дне камни были покрупнее, течение посильнее, да и вода уже заметно прибыла. На стрежне Сергей пару раз качнулся от мощного напора, с трудом удержавшись на ногах, и пожалел, что не взял хоть какую-нибудь жердь для дополнительной опоры. До завершающей переправы оставалось не слишком далеко – с километр, не более. Но уже начался настоящий снегопад. Сильный, с ветром. Дужка капкана била в одно место поясицы, боль оттуда отдавалась по всему телу. Сергей бежал, останавливаться было никак нельзя. И куртка и брюки энцефалитного костюма промокли насквозь. Холодные противные струйки воды периодически стекали по лицу, рукам, ногам и спине.

Наконец, вот он – последний брод. Бурлящий мутный поток пересекал пойму почти от верхнего края ближней прибрежной террасы до дальней стороны широкого русла, вызывая сомнения в успешности предстоящего мероприятия. Другого, более подходящего, места для переправы вблизи не просматривалось, да и времени на оценку обстановки уже не было. На самом краю потока чуть ниже высился большой залом из плавника. Сергей выбрал крепкий лиственничный сук, несколько раз надавил, проверяя на прочность. Упираясь этой опорой в дно выше по течению, медленно переставляя ноги, ему удалось пройти почти две трети брода. Потом его сбило. Лямки были заранее ослаблены, и он сразу сбросил рюкзак, сумев в последний момент в прыжке догнать уплывающий мешок и ухватить его за клапан. Утопить полсотни отличных капканов-нулевок, лучших в отряде, никак не входило в его планы.

Вместе с рюкзаком его стянуло в слив, больно ударило о валун коленом, потащило на очередной бурунник, но тут он смог сконцентрироваться и, оттолкнувшись от дна, пружиной

выкинулся с рюкзаком прямо на ивовый куст, находившийся на небольшом островке, на самом краю потока. Оттуда, следующим рывком, он достиг берега.

Откашливаясь от воды, которую все же успел пару раз хлебнуть, кувыркаясь в сливе, чувствуя кровоточащую ссадину на щеке, Сергей взвалил на себя намокший и ставший еще тяжелее рюкзак и снова побежал. Под мокрым энцефалитным костюмом, кроме мокрых же трусов, ничего не имелось. Искать в рюкзаке сухую одежду и переодеваться он не стал, хотя при порывах ветра становилось очень холодно. Сильно ныло ушибленное колено. Кепка-бейсболка уплыла, и волосы начали покрываться сверху льдом. Пришлось накинуть капюшон энцефалитки. С ним было неудобно, но зато голова не так мерзла. Спотыкаясь о камни, он бежал и бежал по тропе. Ноги и руки уже почти не чувствовались. Сознание временами уплывало. Снег покрыл все вокруг, небольшие надувы быстро превращались в глубокие сугробы. Увязая в них и прихрамывая на правую ногу, он медленно продвигался в сторону зимника.

Оставалось немного – вон до того склона, а там совсем рядом, с полкилометра, но силы убывали. Знакомое состояние мягкого замерзания начало постепенно его охватывать. «Хорошо бы прилечь вот под этот куст караганы. Нет? Ладно, тогда вот под этот. Он такой мягкий, уютный... Ну, хотя бы на минутку, на полминутки. И все будет так славно, так тепло...». Сергей запел. Точнее, не запел, а начал орать какие-то песни. Про горы, про друзей, про войну, такие, что мороз по шкуре, и внутри все зажигало.

Хрипя и выкрикивая сорванным голосом что-то про Кавказ и дивизию «Эдельвейс», он и ввалился в дверь жарко натопленного зимника. Затем была сухая одежда, кипяточный сладкий чай со спиртом, нереально вкусная горячая похлебка из баранины. Вечерело. Вокруг домика буйствовала стихия, валил снег. Сергей сидел с бичами на нарах и играл в карты. Подходил к концу очередной день в его экспедиционной жизни. Не лучший, но и не самый худший, обычный день, каких было и будет еще немало.

ОДНАЖДЫ НА БАРЛЫКЕ

Просыпаться не хотелось. Вчерашний маршрут с холодными купаниями при пересечении реки сильно вымотал. Но народ вокруг уже шебуршился, открывалась-закрывалась дверь зимника, от чего по полу наносило потоком холодного воздуха, брякала крышка чайника, булькала наливаемая в него вода. Было прохладно, печь уже выстыла. Кто-то, вполголоса поминая чьих-то родственников, чиркал и чиркал спичками, пытаясь поджечь кусок раздерганной отсыревшей ваты, выданной из старой телогрейки. Вата служила, вместе с пучком тоже не очень-то сухих стружек и тонких щепок, в качестве растопки.

Дров было достаточно – вчера днем все, кроме Петровича, дежурившего по кухне, занимались их заготовкой. Целая гора нарубленных листовидных сучьев находилась слева перед входом, но до дождя никто не догадался занести их в зимник или накрыть пленкой. Остатки сухих дров, лежавших под нарами, были закинуты в печку перед сном. Спихватились только утром, когда все вокруг уже покрыло глубоким снегом.

Наконец, в печке-буржуйке загудело и через пару минут по дому стали расходиться волны тепла. На завтрак разогрели вчерашнюю похлебку из последнего куса баранины с остатками риса, гречки и чудом дожившей до сегодняшнего дня картофелиной. Почти половину содержимого похлебки для густоты составлял мелко накрошенный горный лук, в изобилии растущий здесь на каменных осыпях крутых склонов гор. Вообще, продукты еще имелись в достаточном количестве – десятка полтора сухарей, банка сайры, большой пакет с перловкой, с полбутылки подсолнечного масла и килограммовая пачка рафинада. Впятером можно было несколько дней продержаться.

С некоторыми другими вещами дело обстояло хуже. Чаю оставалось только на один чифир, а махорка у бичей закончилась еще больше суток назад. Табачные стружки и крошки из початой, раздавленной и расплывшейся от воды пачки «беломора», которую выскреб Сергей из кармана энцефалитки, были уже заботливо просушены. Вчера, когда добились последнюю самокрутку, народ устроил тотальный шмон в зимнике, в стоящей рядом кошаре и возле кострища. Все разномастные окурки, выковырянные между бревешек завалинки, из щелей подоконников, под настилом крыши кошары и просто разбросанные по всей территории, были собраны, выложены на лист фанеры, высушены и выпотрошены в один кисет. Пару «козых ножек» искурили еще вчера. Сегодня утром оставшуюся часть из кисета смешали с табаком из папирос и забили в небольшие «фунтики», каждый на одну порцию. Все шесть фунтиков, нетронутые, лежали сейчас на полке.

Шагнув за дверь, Сергей сощурился от окружавшей белизны и, немного подождав пока к яркому свету привыкнут глаза, изумленно осмотрелся. Все вокруг было покрыто полуметровой периной мягкого пушистого снега. Ветер почти прекратился, но снег, сильный снег, продолжал идти. С террасы был виден Кара-Суг, уже вышедший из берегов, бурливым потоком несущийся по распадку вниз. Перевал не просматривался, да и в такую непогоду лезть в него казалось слишком опасным. Оставалось ждать улучшения погоды, потому что по другому пути – через ущелье Эльды-Хема, пройти сейчас тоже было совершенно невозможно из-за поднявшейся воды.

Ведро с похлебкой опустело. Сергей, последним, не торопясь, доел содержимое своей миски, разгрыз оставшуюся корку от сухаря, запил всё кружкой горячей подслащенной воды, махнул рукой и скомандовал: «Крути!». Генка, по кличке «Шнырь», метнулся в угол, и, через немногие секунды, набитая табаком аккуратно свернутая «козья ножка» была в руке Сергея. Он прикурил от спички, неглубоко затянулся, подержал горький дым внутри, стараясь продлить наслаждение, медленно выдохнул, еще не-много подождал, сделал вторую такую же затяжку, откусил обмусоленный кончик и передал окурки Коле, здоровому амбалу, с несколь-

кими синими церквями на широкой груди, распоряжавшемуся в зоогруппе в отсутствие Сергея.

Два года назад, в базовом лагере, напившиеся бичи ночью что-то не поделили. В пьяной разборке Коля, имевший тогда кличку «Султан», не разобрав, кинулся на вошедшего в палатку Сергея. Получив встречный боковой в челюсть, он пошел винтом и глазом умудрился врезаться в железный угол печки-буржуйки. Утром Сергей довел его до трассы и отправил на попутном грузовике в город. Глаз, как потом сказали врачи, можно было спасти, но, добравшись до станции и получив расчет, Султан запил, а когда протрезвел, было уже поздно. После этого печального события, в связи с характерным изменением облика, его все стали звать «Адмирал Нельсон». Нельсону было около сорока лет, почти половину этих годов он провел по тяжелым статьям в тюрьмах и на лесоповале. Сергей, назначив его своим заместителем, знал, что все порученное будет сделано в срок и как надо.

Третьим покурил спокойный и хозяйственный Витька «Перец», обладавший, при всей своей несуетности и обстоятельности, неожиданно молниеносной реакцией. Год назад, после наводнения, они вместе с местными восстанавливали снесенный стихией автомобильный мост через Барлык. Одно из тяжелых листовенных бревен внезапно заскользило вниз по ошкунным жердям. Витька мгновенно прыгнул вперед и, воткнув под бревно лом, остановил его движение. Еще секунда и это бревно просто размазало бы по скале стоявшего ниже и не видевшего опасности Шолбана – сарлыковода, стоявшего зимой в соседнем с их базовым лагерем логу. Перцу было около тридцати, и он тоже имел несколько колоритных наколок на теле, свидетельствующих о непрестом прошлом. Остатки бычка с жадностью добил худой и долговязый парень, Шнырь, любитель дешевых понтов, домушник по основной профессии.

Пятый – Петрович, бывший шахтер, которому подземный стаж позволил рано уйти на пенсию. Он не курил, по утрам делал зарядку, обливался холодной водой, не упускал возможности позагорать и старался добавлять в пищу «побольше витаминов». Из витаминов пока доступным являлся только горный лук, который уже несколько поднадоел, и с бичами по этому поводу у него нередко случались конфликты. Петрович со всей страстью потомственного пролетария-гегемона тихо ненавидел их всех – неоднократно отсидевших, толком нигде и никогда не работавших, кроме как на зонах. Но когда пили, Петрович отмякал, добрел душой и песни душевные хорощим голосом пел вместе со всеми.

Внизу, на базе, еще была разбитная повариха Наташка, также отмотавшая свое по малолетке, при ней находился Гриха – молодой жилистый парень цыганистой наружности с соответствующей кличкой, валютчик и отчаянный картежник из Ростова. Он тоже недавно досрочно освободился, но по каким-то очень веским причинам, ему пока не следовало появляться дома. Цыган с Натальей и Шнырь здесь оказались в первый раз, остальные сезонно работали у Сергея по несколько лет.

Это была его зоогруппа, входившая в состав отдельного противэпидемического отряда Минздрава России. В здешних горах находился природный очаг чумы, и основной задачей отряда было отслеживание его активности, с чем они, более или менее успешно, но справлялись.

Снег все шел. День тянулся медленно. Они играли в «подкидного» на шолбаны, в шахматы и шашки по кругу. Потом Сергей рассказал пару почти реальных историй с приключениями из экспедиционной жизни. Все поохотали. Шнырь, в ответ, поведал несколько старых тюремных баек, с неподдельной искренностью в голосе убеждая слушателей, что всё это произошло вот прямо лично с ним. Особенно ярко, с образной жестикуляцией, у него получились описания про то, как однажды во время допроса он украл из холодильника у «кума» целую палку московской копченой колбасы, и как ему в одночасье удалось соблазнить молоденькую врачиху, пришедшую на зону «сразу после института».

К вечеру снег не прекратился, а усилился. Ветра не было. На столе у окна горела неровным язычком желтого огня коптилка из консервной банки, заполненной парафином от сгоревших свечей, и фитиля из свитой двойной нитки. За окном, иногда замирая, плыли вниз и вбок мириады огромных белых снежинок. Плоская, укрытая корьем, дерном и сухим навозом, крыша зимника сильно протекала, и они скучились на небольшом сухом пятачке нар, в дальнем углу дома. В этом месте поверх дерна на крыше они еще весной постелили двойной слой пленки, придавив его жердями и камнями.

Вечером сварили полпакета перловки, булькнув из бутылки в каждую миску пахучего подсолнечного масла. Спали под звуки частой капли с потолка. В зимнике было влажно и душно. Время от времени открывали дверь, и тогда в дом, вместе со свежим воздухом, тоже влетали снежинки и тихо таяли на пороге.

К утру снег закончился, открылось неестественной синевы небо. За альпийскими пиками Мунгулека оно уже светлело. Снежный покров достигал метра глубиной, но он прямо на глазах оседал, внизу под ним текла вода. От беззаботно журчащего веселого ручейка по имени Кара-Суг, который совсем недавно можно было спокойно перешагнуть в любом месте, остались только воспоминания. Вся нижняя терраса являла собой сплошной бурлящий поток светло-коричневого цвета, подбиравшийся уже и к их зимнику, с гулом и клекотом несущийся вниз, в объятия Эльды-Хема. Трудно даже представить, что сейчас творилось там. Рев реки в километре отсюда, отражаемый горами, был хорошо слышен даже при закрытой двери в зимовье.

Террасу с зимником при таком уровне снега и теплой солнечной погоде могло к вечеру затопить. Взвесив все за и против, Сергей дал команду собираться. Тропа в перевал поднималась по склону юго-восточной экспозиции, в основном извиваясь серпантинном по гребням. Несколько опасных в отношении лавин распадков с редкими деревьями и открытых кулуаров они должны были проскочить до обеда, до того, как начнется ветер. Километровый спуск в долину Барлыка по разлапистой пади Кызыл-Хая смотрел, в основном, на северо-запад. К тому же по большей части склоны были покрыты густым лесом. Даже если температура сильно повысится, лавины там пойдут, скорее всего, только к вечеру. Главное – самим не подрезать висящие на честном слове снежные поля, но в этих вещах Сергей немного разбирался.

В лесу сделали «нычку» – в полиэтиленовую пленку завернули одеяла, посуду, один из топоров. Туда же упаковали четыре больших связки капканов и мешок мелких плашек-мышеловок. Через три недели им надо было проводить новый тур обследования в этой долине и носить с собой всю тяжесть не имело смысла. Имущество Сергей получил весной с запасом, чтобы в трех основных районах работ можно было проводить обследование, не таская весь бутор каждый раз за десятки километров по горам.

Чай перед выходом сварил на костерке, наскоро разожженном на расчищенной о снега площадке, Витька Перец. Когда вода в «чифирбаке» (закопченная банка из-под тушенки с проволочной дужкой сверху) закипела, он снял прибор с огня. На глаз прикинув уровень, отлил немного на землю. Аккуратно высыпал последние полпачки чаю, подождал несколько секунд, помешал прутиком, еще подождал, подцепил за дужку на крепкую длинную ветку и стал «поднимать» над углями костра. Правильно поднять чифир – это искусство, доступное лишь избранным. Напиток у Витьки всегда получался отменным.

Все, кроме не пьющего «эту гадость» Петровича, сели в кружок, на корточках. Сергей достал из кармана рюкзака перетянутый лейкопластырем полиэтиленовый пакетик со своей последней заначкой – шоколадной конфетой. Бичи уважительно хмыкнули. Витька взял чифирбак, помешал, чуть подождал, тоненькой струйкой вылил содержимое в чистую кружку и протянул ее Сергею. Тот неторопливо сделал два маленьких глотка, откусил с краю конфету, и передал Коле. Кружка сделала два оборота и закончилась, как и конфета. В теле появилась бодрость, а в голове – ясность. Раскурили и также пустили по кругу последнюю «козью ножку». Можно было двигаться в путь.

На сверкающее белизной могучее северное плечо Монгулека выползло солнышко. Отдышавшись немного от такого крутого подъема, оно двинулось дальше, сначала крадучись, по краю контрфорса, а затем, оттолкнувшись от него, легко устремилось в свободный путь по небу. Зоогруппа тоже лезла вверх, скользя по снегу, цепляясь за редкие деревья, с трудом перемещаясь от одной скалы к другой. Подъем был крутой. Дыхание сбивалось, сердце бешено колотилось, по лицу и телу стекал пот, ноги и рюкзаки тяжелели. Сергей, шедший первым, задавал темп. Торопиться сильно не следовало, на этом этапе он поставил как основную цель – пройти весь маршрут не растягиваясь, компактной группой. Но и тянуть время нельзя было ни в коем случае – в верхней части кулуаров снег все уплотнялся, таял на подстилающей поверхности, постепенно терял сцепление и готовился начать движение вниз.

Сначала Сергей засекал примерное время по часам – десять минут подъем, пять минут отдых. Потом стало круче, и он перешел на подсчет шагов – двадцать шагов сделал, остановился, досчитал до десяти, снова двадцать шагов. На верхней границе леса пришлось остановки делать еще чаще. Зоогруппа, пыхтя и матюкаясь, упорно лезла вслед за ним. На кирзовые сапоги у каждого несколькими петлями были намотаны куски бельевой веревки, что позволяло меньше опасаться соскользнуть вниз на потертых подошвах. Замыкающим шел Нельсон, опиравшийся на толстую здоровую жердину. Заостренные палки были у всех. Еще в самом начале сезона, в апреле, Сергей продемонстрировал рабочим простейшие приемы быстро затормозиться с помощью крепкого посоха, если вдруг покатишься на крутом снежном склоне. Демонстрацию в последующем закрепил несколькими учениями, добиваясь необходимого автоматизма.

Рано или поздно, но любой подъем кончается. Через полтора часа после выхода из зимника, отхаркиваясь и с трудом восстанавливая дыхание, они уже находились на перевале, поднявшись почти на восемьсот метров по вертикали. Теперь предстоял не менее сложный и явно более опасный длинный спуск к Барлыку. Осмотрев ближайшие кулуары, Сергей не решился идти по тропе – слишком рискованно. Они начали спускаться вдоль кромки леса, наладив простейшую веревочную страховку. Теперь вперед он выпустил Витьку Перца. Тот спускался, обматывая репшнур вокруг деревьев через каждые десять-пятнадцать метров. На конце шнура он закреплялся и принимал спускающихся. Здесь еще чувствовалась прохлада, лежала тень от длинного перевального гребня. Ко дну распадка шел крутой спуск. Снега было гораздо больше, чем с той стороны перевала. Сергей все контролировал сверху, оценивая поглядывая и на предательские кулуары.

Солнце вышло из-за седловины перевала, и сразу резко потеплело. Склоны стали положе, но Сергей пока старался не покидать кромки леса, хотя здесь они уже двигались без веревок. Наконец, за очередным поворотом впереди показались террасы долгожданного Барлыка. Все обрадовались, предполагая скорое окончание похода. На коротких спусках народ смело скатывался, просто бросаясь вперед и быстро перебирая ногами. Веселье прекратилось, когда из соседнего распадка раздался постепенно нарастающий гул. Земля задрожала, за гребнем поднялась пелена снежной пыли. Внизу, не далее километра от них, вдруг вздулся белый протуберанец, за ним последовал грохот мощного взрыва. Ударная волна со снежной мукой, пришедшая снизу, чуть не сбила их с ног. Посыпались ветви лиственниц и разный мелкий мусор.

«Первая пошла» – отметил Сергей. Прислушался – не стронулся ли снег в их распадке? Кажется, пока нет. Устремляясь вниз, крикнул:

– За мной, бегом!!

Лавинный выброс они прошли по краю. Приличный язык лиственничного леса, оказавшийся под ударом, был перемешан в мелкую щепу, по окраинам стояли ошкуренные стволы, без верхушек и ветвей. Попытавшись оценить объем примчавшегося сюда снега, Сергей сбился в подсчетах, но отлично понимал, что окажись они на километр ниже в тот момент, вряд ли кто бы из них уцелел. Остальной народ тоже посерьезнел, осознав всю опасность своего поло-

жения. Уже без понуканий все бежали, увязая в снегу, стараясь удерживать ровными и темп и дыхание.

Только вырвавшись на холмистую морену правого берега Барлыка, они поняли, что и на этот раз им повезло. Кто-то сверху, наверное, распорядился, чтобы ущелье выпустило их живыми и невредимыми. До базового лагеря оставалось каких-то два километра. Немного передохнув на рюкзаках, они пошли к долгожданному лагерю, его белые квадратики палаток уже показались вдали. Здесь было пониже, и передвигаться стало легче – снег лежал лишь слоем в десять-пятнадцать сантиметров, частью стаяв, а частью успев испариться. Не успели они пройти и пары минут, как сзади раздался нарастающий гул, затем под ногами вздрогнула земля от рухнувшей огромной массы снега, с небольшим запозданием донесся уже знакомый взрывной грохот и из устья пади, которую они совсем недавно покинули, снова вырвался снежный вихрь. Они находились уже далеко в стороне, и фронт воздушной волны прошел мимо, ломая ветви деревьев и поднимая снег на противоположном берегу реки. Судя по всему, это «сработал» тот самый распадок, по которому они полчаса назад спустились.

Путь к базовому лагерю лежал по второй надпойменной террасе Барлыка, примерно через полкилометра дорога спускалась с нее на нижнюю террасу, уже частично затопленную. Несколько участков вдоль узости каньона пришлось обходить по козым тропам, прямо по крутым склонам выше прижимов. Вода продолжала прибывать, надо было торопиться. Бушующая водная масса, горы, покрытые снегом, яркая зелень кустов багульника, необыкновенно синее небо с ярким солнцем – такая картина завораживала своим цветовым сочетанием, а ароматы чабреца и полыни, разносимые налетающим порывами ветром, еще добавляли в эту картину чудесного своеобразия. Впереди, у подножия склонов Мунгулека, одна за другой взмывали снежные грибы от лавин, разгоняющихся по кулуарам вверх и прыгающих вниз со скальных уступов. На базовый лагерь оттуда выходил длинный скалистый гребень, сплошь покрытый лесом, и в этом плане им ничего здесь не угрожало.

Сергей очень надеялся, что сильно поднятый над руслом пешеходный мостик в устье Эльды-Хема, за которым на высокой террасе находилась база, еще цел. Строили мост весной всей зоогруппой два дня, вложив в него много сил и души. Сооружение состояло из трех толстых бревен, поставленных по обоим берегам на два «быка», срубленных тоже из обрубков лиственницы в «лапу» и забитых большими камнями. Высота моста превышала обычный уровень реки на полтора метра, он был обильно скреплен большими железными скобами и прикручен двойной проволокой к стоящим выше по течению нескольким лиственницам.

Выйдя на последнюю перед лагерем террасу, они с немалой досадой обнаружили, что ни моста, ни «быков» уже нет и следов. Весь их труд оказался смыт водой Эльды-Хема. Из ущелья мчалась темная пузырящаяся стремнина, не уступающая сейчас по величине такому же безудержно летящему потоку Барлыка. В месте их соединения вздымался гигантский пенный бурун, с оглушительным ревом обрушивающийся дальше вниз в слив каньона.

На террасе базы показался Гриха Цыган. Сверху, от палаток, выглядывала Наталья. Гриха, выйдя на край обрыва, пытался перекричать шум сливающихся рек, что-то показывал вокруг, тыча пальцем в место, где раньше был мост. Слышно его, конечно же, не было. Сергей вырвал лист из тетради, карандашом написал, что надо сделать. Засунув записку в чифирбак, он втиснул туда для весу хороший камень-голыш, примерился и перекинул записку на тот берег. Цыган подобрал банку, прочитал указания, замахал руками в знак того, что все понял и помчался к палаткам. Через пару минут у них уже были три топора, через реку перекинута двойная веревка, с помощью которой удалось благополучно переправить на этот берег и двуручную пилу. Еще через час две стоявшие на берегу лиственницы уже лежали в узком месте между двух скал над kloкочущим потоком воды, а над ними были натянуты веревочные перила. Подстраховывая друг друга, они осторожно начали перебираться на левый берег. Путь в базовый лагерь завершился успешно.

Тот снегопад, внезапно накрывший горы Западной Тувы в середине июня 1986 года, оказался одним из самых мощных летних снегопадов за всю историю наблюдений местной метеостанции. За сутки выпала четырехмесячная норма осадков, что случается в среднем раз в двадцать лет. Зоогруппе Сергея удалось выйти из этой передрыги без потерь. Как позже подсчитали, ущерб от стихии в районе оказался огромным. Буйством природы снесло все до единого мосты, размыло дороги, погибло много скота. Не обошлось, к сожалению, и без человеческих жертв – утонувших, попавших под лавины, задавленных упавшими деревьями.

Ближе к вечеру, по очереди по-быстрому вымывшись в жаркой банной палатке и переодевшись в чистое и сухое, в кухне-столовой они устроили торжественный ужин. Стол ломился от разносолов. Тут были и вареная картошка, и сливочное масло и горячий свежий хлеб, только что вынутый из печи поварихой! И квашеная капуста и маринованные помидоры! Расщедрившийся Сергей даже разрешил достать плоскую большую банку пряной селедки. Все сели за стол, вдыхая ароматы. Сергей сходил в свою палатку и выставил на стол сразу две бутылки чистого спирта. Все замолчали.

– Начальник, ты, это... скажи, ежли чо... Мы для тебя всё сделаем! – наконец, выразил настроение коллектива Нельсон.

– Ладно вам! – отмахнулся Сергей и, взяв бутылку, стал разливать спирт по кружкам...

БАЙ-ТАЙГА

Пролог

Начальник нервно барабанил пальцами левой руки по столу, уставившись в какую-то одну точку перед собой. В пальцах другой его конечности описывала замысловатые фигуры над листом бумаги роскошная ручка, покрытая позолотой. Сергей и Гоша сидели напротив, спокойно ожидая предсказуемого вердикта. Наконец, затянувшееся молчание прервалось:

– Нет, ну, вот объясните мне, я просто не понимаю – что это даст? А если вы там, в самом деле, что-нибудь найдете?! Это же все планы придется перекраивать! Вообще все!! Все штатное расписание менять! Людей где-то искать! Обучать их еще срочно надо. И это же придется средства из главка выбивать! А транспорт, обеспечение... Пять лет до пенсии осталось! Зачем мне эта головная боль?! – в голосе Виктора Максимовича Полевого, начальника противоэпидемической станции, уже прорывались явные нотки раздражения.

– Так ведь, если в том районе есть чума, то рано или поздно народ заболеет и мало никому не покажется! Там же до Абазы – рукой подать! А оттуда больному в Абакан и в Красноярск попасть – раз плюнуть!

– Ну, почему, почему она там должна быть? Там же Зимин в начале шестидесятых три полных сезона отработал, и – хоть бы одна зацепка! Так это же Зимин! У него же чутье было, он же половину очагов в Западной Монголии открыл! А Быков? Быков же тоже два сезона там утюжил, и тоже пусто! А вы что? Умнее всех?!

– Максимыч, ситуация изменилась, ты же сам все понимаешь, – напористо продолжал давить начальника Гоша. – Раз нашли чуму на Толайлыге, в самой середине хребта, то мы обязаны проверить и прилегающую территорию с севера, с Бай-Тайги. Там каких-то уж совсем таких непреодолимых преград нет. Могли и сурки и суслики мигрировать через эти перевалы, а, значит, и микроб мог с ними туда попасть. Ни я, ни Сергей, да и никто на станции, действительно, в это не верит, но еще раз убедиться в этом сейчас необходимо. Чтобы самим, как говорится, спокойно спать.

– Да, понятно все это! А если случится что? Кто отвечать будет?! – повысив голос, сменил направление защиты начальник.

– За все, что происходит в экспедиционном отряде, полностью отвечает лично начальник отряда, я и отвечаю! – тоже начал заводиться Гоша.

– Да ты же сам знаешь, что там происходит! Ну, как, как вы там вообще собираетесь работать?!

Действительно, в те годы Тува занимала устойчивое первое место в стране по тяжести преступности на душу населения, причем с большим отрывом от ближайших конкурентов, а из всех шестнадцати районов автономной республики Бай-Тайга уверенно лидировала по убийствам, по тяжким телесным повреждениям, по грабежам и разбоям.

– А как мы раньше там работали? Так и будем! Да и в Овьуре и в Монгун-Тайге криминала не на много меньше, но выезжают же отряды и возвращаются, чаще без особых происшествий! – не уступал Гоша.

– А Быков? Быков же в Бай-Тайге всего ничего продержался и вернулся в Кызыл!

– Капканы у него все сняли, ловить зверьков нечем стало, вот и вернулся.

– Ага, как же! А то, что продукты, палатку тоже украли, бензин слили – это не считается? А дырки в кабине от пуль, что – сами образовались?!

Тут крыть было нечем. У Володи Быкова в первый сезон все прошло более-менее благополучно. Проработав на западе республики месяц, он отделался утерей половины капканов и загадочно исчезнувшей из закрытого на замок сундука в палатке фляжки со спиртом. Но на следующий год дела сложились похуже. За первую неделю нахождения его группы в Бай-

Тайге местные дважды делали ночные набеги на лагерь. Первый раз продуктов почти половину украли и кое-что из личных вещей исчезло, во второй – они лишились новой десятиместной палатки. Забавно, что никто из группы этого не заметил, только к утру неожиданно обнаружили, что спят под открытым небом. А бензин с бака слили, пока Володя на почту в Бай-Тале заходил, водителя отвлекли каким-то разговором и семьдесят литров – как ни бывало! В последний день, когда они переехали на новое место, дважды стреляли – первым выстрелом из заречного тальника пробили котелок, только что поставленный на костер; вторым через полчаса прострелили насквозь обе дверки кабины, видимо, намекая, что чужаки слишком медленно собираются. После этого прошло уже семь лет, больше никто со станции не рисковал в тех краях появляться, но тут был особый случай.

– Нарываться, конечно, не будем. Постараемся нигде не подставляться. Но ехать надо. С собой собаку возьму, Чару, лайка чуткая, ночью никто не подползет незаметно. Если что – свернемся пораньше. Всю ответственность беру на себя!

Начальник махнул рукой и встал:

– Да и шут с вами! Хотите себе неприятностей на шею – езжайте! Но, учтите – спасательной экспедиции я за вами слать не буду! – Полевой наклонился над столом и размашисто подписал рапорт.

– Спасибо, Максимыч! – облегченно выдохнув, Гоша с Сергеем, не затягивая разговора, поскорее вышли из кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.